

Альберт Иванов

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ Хомы и Суслика

Альберт Иванов

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ Хомы и Суслика

МИНСК
БелАДИ МИНСКАЯ ФАБРИКА
ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ
1996

ББК 84Р7
И 10
УДК 882

Художник *Е. Грубина*

ISBN 985-6319-02-1 (БелАДИ)
ISBN 985-6008-51-4 (МФЦП)

© А. Иванов, 1996
© Оформление. Е. Грубина, 1996

ОТ АВТОРА

ВСТУПЛЕНИЕ-ПРОДОЛЖЕНИЕ

Если вы читали такие книги, как «Приключения Хома», «Весь мир — моя нора», «Как Хома звёзды спасал», «Приключения Хома и Суслика» или другие книжки об этих верных друзьях, то книга, которая сейчас перед вами, и станет для вас продолжением знакомых историй.

Если же вы ничего не читали о Хоме и Суслике, — не беда. Эта книга познакомит вас с ними. Поэтому необходимо и Вступление — для тех, кто вступает в доселе неизвестный сказочный мир.

Итак, живут на лугу, возле ручья и рощи, хомяк Хома и его лучший друг Суслик. Норки у них по соседству вырыты. Хотя Суслик и выше Хома ростом, зато Хома на целых полгода старше. А кто старше, тот знает больше. У старших — опыт! Большой опыт у Хома. Огромный!..

Ну, а теперь почитайте или послушайте о приключениях Хома и Суслика.

А того, кому почему-то лень и читать, и слушать, отсылаем в кинозал либо к телевизору — смотреть мультфильмы: «Приключения Хома», «Страшная история», «Раз — горох, два — горох», «Клетка»... Да только картины эти сняты не по новым, а по прежним сказкам о Хоме. Уж не обессудьте. Так что читать всё равно придётся.

КАК ХОМА БОГАТЫМ БЫЛ

Когда Суслика ещё и на свете не было, а Хома был совсем маленьким, нашёл Хома золотое кольцо. В роще, в орешнике. Наверно, кто-то орехи рвал и потерял его, растяпа.

Для нас кольцо — это граммы, а для Хома — килограммы золота. Нам кольцо — это колечко, а Хоме — почти что обруч.

Откуда он знал, что кольцо — золотое? Может, толком и не знал. Во всяком случае, пробу не смотрел. И на зуб не пробовал. Зато сразу догадался — ценное. Уж очень блестит!

Но очень тяжёлое. Как домой донести? Если на шею повесить, голову не поднимешь. Так и будешь носом в землю упираться до скончания века. При таком-то богатстве!

На лапках тоже не унесёшь.

На плечо его надеть? Перетягивает. Решил — катить.

Лёгкое вроде бы дело. Катишь его домой, в нору. Золотые лучи от золотого кольца во все стороны брызжут!

«То-то все домашние удивятся, —

предвкушал Хома, —
когда я его домой до-
ставлю!»

У Хома тогда ещё мно-
го родни оставалось, пока
всех разные хищники да
злые мальчишки не повы-
вели.

Но до своей норы с таким
кольцом быстро не доберёшься.
Вот если бы у Хома какой-нибудь
длинный крючок был, кати себе
кольцо, как колесо, и посвистывай.

А так оно то катится, то падает.
Поднимать надо. И это понимать надо. Тому, кто такую
тяжесть в такую даль не катил.

Всем хорошо золото. Один у него недостаток — тяжё-
лое. Если бы оно полегче было, ему бы цены не было.

А тут и другая напасть. Случайная Ворона вдруг свер-
ху кинулась. Здоровенная Ворона на маленького хомяч-
ка!

Хорошо, что та Ворона всё-таки не на Хому, а на золо-
то польстилась. Сцапала она блестящее колечко и стрем-
глав унеслась прочь.

Нет бы самой поискать, а она рада — на готовенькое.

Небось, у неё в гнезде много чего хранится. Иные во-
роны, как и сороки, на всё сверкающее падкие. Так и
падают с неба на любые блестящие побрякушки!

Ни жив ни мёртв прибежал Хома домой и давай рас-
сказывать.

Тут только, кажется, и узнал, что именно золото на-
шёл.

Дядюшка, тот заявил:

— А что толку от богатства? Было б здоровье!

А тётушка мудро заметила:

— Ему бы теперь никакое здоровье не помогло, если бы при нём богатства не было!

И ведь верно. Если бы Хома без золота был, Ворона могла бы его самого схватить. Но она богатство предпочла.

Вот и суди теперь, что дороже: здоровье или богатство?..

КАК ХОМА ПЛАВАТЬ УЧИЛСЯ

Очень просто. И не сам учился, а дядюшка учил. Когда Хома маленьким был.

Привёл он, дядюшка, Хому к обрыву над ручьём.

За шкирку его взял. Крепко, чтобы тот не вырвался. И говорит:

— Буду тебя плавать учить. Брошу сейчас с обрыва на самом глубоком месте. Если выплывешь — считай, научился.

— А если не выплыву? — Хома и тогда был любознательным.

— Значит, не научился, — дядюшка никогда не унывал.

— А как я об этом узнаю? — забеспокоился Хома.

— О чём?

— О том, что плавать не научился.

— Я тебе вдогонку об этом крикну, — пообещал дядюшка.

Ему можно было верить. Серьёзный был хомяк, хозяин своему слову.

— Вообще-то, — продолжал дядюшка, — надо было бы и братишку твоего захватить. Сразу вдвоём учились бы. Удобней.

— Понятно, — подмигнул ему Хома. — Если бы вдруг тонуть стали, друг за дружку ухватились бы и спаслись. Да?

Дядюшка посмотрел на него странно.

— И в кого ты, племянничек, такой дошлый?

— В тётушку, наверно.

— Вижу, что не в меня, рохлю, — вздохнул дядюшка. Рохлей его всегда тётушка называла.

— В тётушку я умом по-
шёл, зато в тебя — фигу-
рой, — попытался подоль-
ститься к нему Хома. — Те-
лосложением!

— А теловычитание быва-
ет? — спросил Суслик, ког-
да Хома ему об этом случае
рассказывал.

— Бывает, — отмахнулся
Хома, — когда тебя со дна
ручья после ныряния вытал-
кивает. Ты дальше слушай!

Вот как дальше было...

Тут дядюшка почему-то
сердито и говорит Хоме:

— Ну, если уж ты в нашу тётушку умом, обязательно выплывешь.

И, размахнувшись, шарахнул его с обрыва в воду.

Хома сразу на дно камнем пошёл. У дядюшки во всём был размах широкий!

Идёт Хома по дну, а дна нету.

«Очень оно мне нужно», — подумал он.

А как только подумал, давай лапами двигать, вверх стремиться — к солнцу. Оно светлым пятном где-то вверху виднелось.

Выскочил из воды, как пробка. Если б обрыв невысоким был, с ног бы сбил дядюшку!

Забарахтался Хома неумело, и вдруг — поплыл, изумляясь. Ну, совершенно свободно! Правда, почему-то по-собачьи.

— Плаваешь? — крикнул дядюшка.

— Плаваю-плаваю, — засмеялся Хома. — Враз научился.

— Вот так-то, — улыбнулся в усы дядюшка. — Проверенный способ. Всех, и меня самого, так учили.

— А если б я утонул?

— Никто никогда не тонул. Кроме брата моего. Слишком глубоко вниз ушёл. А там его, вероятно, Щука проглотила.

После этих слов Хома так заработал лапами, что вскоре очутился на берегу.

Помнится, Хома спросил дядюшку:

— Почему я не по-человечески, не по-лягушачьи, а по-собачьи плаваю?

— Ты что, не слышал поговорку: плавает, как собака!

— Я слышал другую: плавает, как рыба, — несмело сказал Хома.

— Ха-ха-ха! Рыба — это под водой. А собака — по воде!

Дядюшка стоял во весь рост на обрыве и смеялся, довольный, что заставил Хому всю погрести лапами.

Таким Хома и запомнил его на всю жизнь. Высоким, усатым, красивым. С ярким солнцем над взъерошенной головой!

— Я тоже с ходу плавать научился, — похвалился Суслик, — хотя меня никто с обрыва не швырял.

— Эх ты! — снисходительно сказал Хома. — Запомни, мы все плавать умеем. От рождения.

— То-то я до сих пор поражаюсь, как это я сразу научился! — округлил глаза Суслик.

— И всё-таки, — строго заметил Хома, — встречаются и неспособные. Редко, но попадаются. Потому-то и надо всегда дядюшкин проверенный способ применять.

— А почему же дядюшка твой всё-таки утонул, если он такой знающий? — спросил Суслик. — Ты сам мне рассказывал: в прошлом году мальчишки ведрами норы на лугу заливали, и он так и не выплыл.

— Он не утонул, — мрачно ответил Хома, — а, видать, сильно поперхнулся. Спал после обеда, вот и хлебнул спрсонок лишнего. А то бы он вынырнул, непременно бы выплыл! Ведь норы-то заливали просто одной водой, без всяких там щук. Не так опасно — без щук!

— Ты что? — вздрогнул Суслик.

— Конечно. Где тебе на каждое ведро щук-то набрать?!

— А как же ты тогда спасся?

— Я тогда на ручье был, — вздохнул Хома. — Мне и без того воды хватало. Со щуками!

— Вот видишь! А разве ты не на берегу был?

— Если бы я в воде был, только бы меня и видели! — усмехнулся Хома. — Слышал, что с братаном моего дядюшки случилось?!

После этого разговора Суслик долго боялся в ручье купаться. Пока Хома не сказал, что недавно последнюю Щуку рыбаки выловили. Большущую!

— А может, то не последняя Щука была? — всё же сомневался Суслик.

— Последняя — рыболовы друг другу говорили. Рыболовы никогда не врут!

Поэтому Суслик теперь снова стал плавать безбоязненно. А Хома и подавно. Он не такой пугливый.

КАК ХОМА ЕЖА ЗАПУТАЛ

В последнее время старина Ёж вдруг озорничать стал. Что только не придумывал! Подкатится сзади колом то к Зайцу-толстуну, то к Суслику, а то и к самому Хому — и кольнёт своими иголками.

Тебе больно, а ему забавно. Ты до небес подпрыгиваешь, а он доволен.

— Смотри у меня, — пригрозил ему Хома, — все иголки повыдергаю. Через одну! Или по одной!

— И редкоигольным станешь, — вторил ему Суслик. — Или вовсе лысым!

— Скорее вы все от меня облысеете, — куражился старина Ёж.

Даже Лиса его пристыдила, когда он её украдкой в хвост уколол:

— Пожилой, а такое вытворяешь! Ахнула бы я тебя по шеем, да лапу жалко!

А доктор Дятел заметил с берёзы:

— Ему бы китайской медициной заниматься, больных лечить иглоукалыванием, а он всех подколоть норовит. Нехорошо.

— Не суй свой длинный нос, куда не надо, — фыркнул Ёж. — Знахарь выискался. Китайский!

Ну что с ним, забиякой, делать?..

— Имеются, конечно, разные способы, — вслух рассуждал Хома как-то вечером в гостях у Суслика.

Тот на животе лежал и внимательно слушал. Сесть он не мог. И без того вчера «случайно» на Ежа сел. Вероятно, тот долго за ним, Сусликом, следил, чтоб в удобный момент подкатиться.

— Способ первый — безболезненный, — перебирал

Хома разные методы. — Скатить Ежа в ручей. Там он сразу развернётся и...

— Палкой его по носу! — мстительно вскричал Суслик, забылся и сел. Взвизгнул. И снова прилёг. — Или камень на шею, и концы в воду. И буль-буль!

Он даже ладошки довольно потёр. По привычке, передавшейся от Хома.

— Я говорю о безболезненном способе! — вспылил Хома.

— Да он и пикнуть не успеет, — возразил Суслик. — А ещё можно ему водички поднести попить. С соком молочая. Пусть думает, что это молочко. С ходу заснёт. Навечно.

— Да ну тебя, — нахмурился Хома. — Я совсем другое хотел сказать. Надо загнать его в ручей и не выпускать обратно, пока он слово не даст — никого никогда не трогать!

— Плохо ты его знаешь. Он на другую сторону уплывёт.

— А на той стороне ты стоять будешь. И палкой...

— Ах, палкой!

Снова забывшись, сел в горячах Суслик. Опять взвизгнул. И опять лёг.

— И палкой будешь его отталкивать, чтоб не вылез, — продолжил Хома.

— А ты?

— А я — на этой стороне, тоже с палкой.

— С палкой — это хорошо, — одобрил Суслик. — Какие ещё способы против таких ежей имеются? — с глубоким интересом спросил он, потому что Ёж его глубоко уколол.

— Второй способ — поблезней.

— Очень хорошо! — вновь одобрил Суслик, повернулся на животе и ретиво пополз к выходу.

— Ты куда?

— Ко второму способу.

— Да ты же ещё не знаешь, какой он!

— Знаю — поболезненней. Сам говорил!

— Ты сначала выслушай, — нетерпеливо сказал Хома. — Непоседа!

Суслик снова повернулся к нему.

— Напекаешь, что я сесть не могу?.. Всё время ползаю, у меня на животе уже мозоль. Твёрже твёрдой, — пожаловался он. — Пусть теперь в неё колет!

— Способ второй! — повысил голос Хома. — Вырыть яму, замаскировать её и...

Суслик вновь немедленно повернулся на животе к выходу.

— Можешь не продолжать. Знаю, знаю. Вырыть, замаскировать, заманить и землёй засыпать. Живьём!

— Ну, ты даёшь! — оторопел Хома.

— Это не я даю, а он всем поддаёт!

— Не понял ты. Дальше слушай. Заманить — это верно, а вот затем неделю ему есть не давать.

— Год! — выкрикнул Суслик. — Год не давать ему есть, пока не окочурится!

— Неделю, пока честного слова не даст, — наконец-то закончил Хома про второй способ.

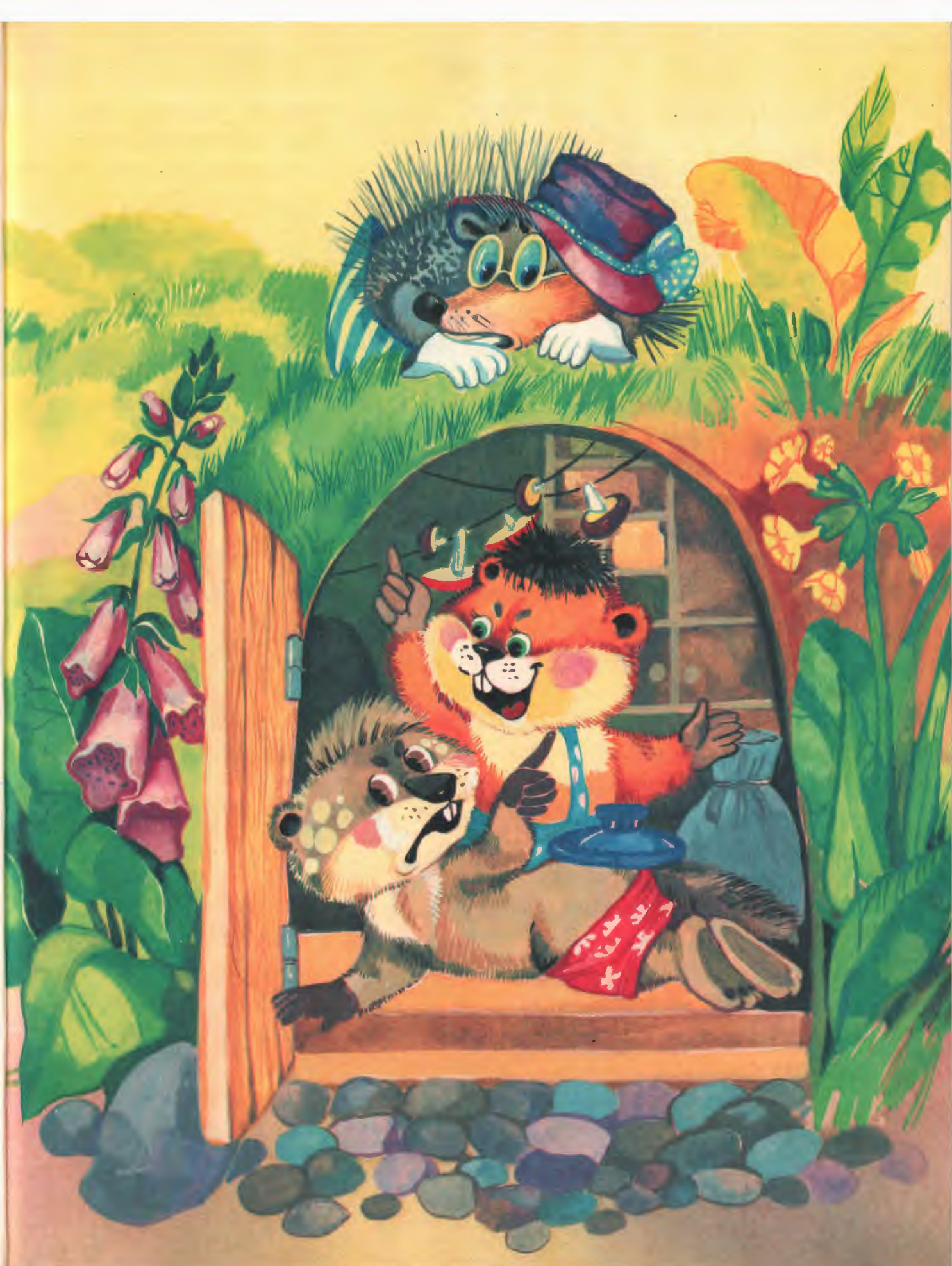
— Не будем мелочными, — миролюбиво заметил Суслик. — Не давать ему есть, пока я не смогу сесть. Я нарочно целый год садиться не буду, — пригрозил он. — Я готов целый год у ямы стоять, пока он в яме лежать будет!

— Способ третий, — объявил Хома.

— Ах, ещё и третий? — обрадовался Суслик. — А я уж думал, что и двумя можно обойтись.

Опять сел. Опять взвизгнул. Опять прилёг.

— Способ третий — самый болезненный, — мрачно предупредил Хома.

— Чудесно! — захлопал в ладоши Суслик. — Это по мне!

— Почему — по тебе?

— Я сейчас — самый болезненный. Око за око! Зуб за зуб! — сверкнул глазами и скрежетнул зубами Суслик.

Хома на всякий случай отодвинулся.

— Чего молчишь? — вскричал Суслик. — Выкладывай, что у тебя там, на уме, самое болезненное!

Он схватил в углу длинную вязальную спицу, которую давно нашёл на лугу и не знал, к чему её приспособить. Наставил её на Хому, как пику, и потребовал:

— Говори!

Хома упёрся спиной в стену. Дальше отодвигаться было некуда.

— Говорю. Он нас подколет, мы — его. Вот этой спицей! Не сегодня, не сейчас, — предупредил он, — а в будущем. Если снова за своё примется.

— Замечательно! Он — нас, мы — его! — восхищался Суслик. — Я его насквозь проткну!

Тут он попытался расцеловать Хому на радостях. Чуть спицей друга не проткнул — прямо сейчас. Вместо Ежа — в будущем. Хома даже побледнел.

— Простите меня!.. — вдруг раздался чей-то жалобный голос.

Они обернулись. Из входа в нору торчала голова старины Ежа, испуганно помаргивая глазами-бусинками.

Он, оказывается, всё слышал. Он у выхода из норы заходя залёг, чтобы Суслик утречком спросонья на него невзначай налетел. Или вот Хома мог вскоре выйти и впотьмах наткнуться. Не станет же Хома здесь ночевать, когда своя нора рядом.

— Клянусь моими иголками, никого больше не трону, — плаксиво пообещал Ёж. — Кроме тех, кто на меня напа-

дёт, в воду ли бросит, в яму заманит. Или спицей проткнёт! Насквозь, да? — угрюмо спросил он.

— Ещё глубже! — крикнул, опомнившись, Суслик.

— Моё слово твёрдое, как мои иголки, — с достоинством произнёс старина Ёж.

При слове «иголки» шерсть у Суслика разом встала дыбом и разом опала.

— Скучно мне на старости лет, — зафыркал Ёж. — А Лису можно трогать? — поинтересовался он.

— Лису можно, — мрачно разрешил Суслик.

— Значит, прощаете? — обрадовался старина Ёж.

Суслик с Хомой многозначительно переглянулись.

— Простить я тебя пока не могу, — сказал Суслик. — Пока у меня не зажило. А дальше...

— Посмотрим на его поведение, — прервал Хома.

— Тогда спасибо. Извините, поклониться вам не могу. Тесно.

И Ёж исчез. Наверно, к Лисьей норе пошёл, чтобы приятно удивить её утречком, когда она проснётся и, зевая, выйдет. Тут уж не зевай!

Скучно ему, Ежу, на старости лет. Мало радостей в жизни осталось.

КАК ХОМА НА СОВЕ ЛЕТАЛ

Суслик часто Хому до белого каления доводил. Своим, видите ли, высоким ростом.

Если бы Хома человеком был, он бы сразу нашёл достойный ответ. Хотя бы о малорослом Наполеоне вспомнил.

Но поскольку Хома в люди не вышел, он однажды и в своём животном мире высокий пример нашёл:

— Воробей сильнее Медведя. В сто раз, а может, и в сто один! Он сам себя в воздух поднимает!

Суслик нахмурился. Молчит, лоб морщит.

Он всегда хмурился, когда начинал думать. Потому что думать не любил. Тяжкая работа. На это у него соображения хватало.

— Я видел, — наконец сообщил он, — как один воробей кусок булки в клюве нёс — больше его самого!

— Вот. А воробей — маленькая птичка. Не журавль и не цапля!

— Но зато высоким, как я, быть приятно! — опять принялся за своё Суслик.

— А какой мне прок от тебя такого? — разошёлся Хома. — Был бы ты лошастью, я бы на тебе ездил. Был бы ты Совой, я бы на тебе летал!

— Если б я был Совой, — возмутился Суслик, — я бы тобой закусывал! А насчёт лошади... Ты и так меня заездил. Кто за тебя каждый день зарядку делает? Кто?

— Единственная от тебя польза, — нехотя признал Хома.

— Выискался, летать на мне вздумал, — продолжал ворчать Суслик, — как на Сове.

— Слышь, а я однажды во сне на огромной Сове летал, — похвастался Хома. — В ночном просторе!

— Ты? Ночью? На Сове? — расхохотался Суслик.

— Не на тебе же. Ты даже и без меня шага не пролетишь. Куда тебе!

— Пролечу! — разъярился лучший друг. — И не во сне, а наяву!

— Докажи!

— Докажи, расскажи, покажи... Вот Хома неверующий! А ну, пошли со мной.

Привёл Суслик Хому на обрыв над ручьём.

— Ну-ну, — усмехнулся Хома. — Повыше место выбираешь? Ты бы ещё на берёзу залез!

— Смеётся тот, кто смеётся последним, — стиснул зубы Суслик. — Гляди!

Разогнался, оттолкнулся он от края обрыва, взмыл ласточкой над ручьём — и бултых в воду. Хому даже брызгами окатило!

Вынырнул Суслик и вопит:

— Видел, как я летел? Куда больше твоего шага!
Хома очумело почесал затылок.

— Мы так не договаривались... Ты вниз летел, а не вверх!

— Как птица! И вверх, и вниз, — упорствовал Суслик. — В свободном полёте. На дневном просторе!

Хома потерянно молчал.

— Я даже с тобой на плечах могу с обрыва полететь, — уверенно заявил Суслик, подплывая к берегу. — Хочешь, попробуем?

Он быстро вскарабкался на обрыв, схватил Хому и стал, пыхтя, взваливать его себе на спину.

— Отпусти! — брыкался Хома. — С ума сошёл?

— Нет, признавайся, умею я летать или нет?

— Умеешь! — взмолился Хома. — Умеешь!

— Веришь теперь?

— Верю, верю!

— Убедился?

— Убедился! — отчаянно вырывался Хома. — Твоя взяла!

— В следующий раз, — неохотно отпустил его Суслик, — сначала подумай, а потом сомневайся.

Хорошо, что дело днём было. Не ночью.

Если бы Хому не Суслик схватил, а та же Сова, полетел бы Хома не на Сове, а под Совой. В когтях. И не во сне, а наяву!

КАК ХОМА И СУСЛИК С ПЕТУХАМИ ВСТАВАЛИ

Кто с петухами встаёт, к тому счастье придёт. Где и от кого услышал Хома эту пословицу — неизвестно.

Может, она и не совсем точно такая, но смысл её точно такой. Мол, кто вместе с петухами на рассвете встаёт, тому — непременно удача во всём.

«Интересно... — подумал Хома. — Встать-то можно. В любой момент. Хоть с Сусликом. Да вот только где петухов взять?!»

Вообще-то рано поутру или вечером, если вслушаться, петухов слышно. Слабо, но доносится петушиное пение из деревеньки за гороховым полем.

«Ку-ку-в-ре-ку!» — Так именно не только Хоме, но и Суслику слышалось.

Из деревеньки заодно доносились и суматошные куриные голоса.

— Это куры: «Куда, куда?» — кудахчут, — определил как-то Суслик, — а петухи их «в реку» посылают.

— Зачем? — изумился Хома.

— Надоели они им — вот зачем. Если я тебе целыми днями над ухом буду орать: «Куда-куда-куда?», куда ты меня отправишь?

— Куда подальше!

— То-то. А река, сам знаешь, далеко!

— Так... — подмигнул довольный Хома. — Петухов мы нашли.

— Опять, наверно, что-то задумал, — заподозрил Суслик.

— Надо бы одну мыслишку проверить, — уклончиво заметил Хома.

— Давай вдвоём проверять. Вдвоём-то мы с одной мыслью живо сладим!

Почему бы и нет? И Хома поделился с лучшим другом своей задумкой о той заманчивой пословице. Мол, вместе с петухами встанем, нам во всём удача будет!

Суслик враз оживился:

— А ещё и другая пословица бродит: не откладывай на потом то, что можно сделать затем. То есть, — смешался он, — не откладывай... не откладывай...

— Кстати, это куры яйца откладывают, — подсказал Хома.

— При чём тут куры? Ага, вспомнил! Не откладывай на завтра то, что можно съесть сегодня. И наоборот!

— Да разве я тебя, бестолкового, есть приглашаю? — возмутился Хома.

— А как же! Если мы сейчас, с вечера, успеем в курятник попасть, то и встанем с петухами как раз к утренней кормёжке. Знаешь, чем кур кормят? Пшеном! Тут-то нам счастье и улыбнётся!

— По-твоему, счастье в том, чтобы наесться до отвала?

— Ага. Чем больше съедим, тем больше счастье! Кто раньше кур встаёт? Конечно же, петухи. А кто вместе с ними встанет, если мы будем начеку? Мы встанем. Пока куры проснутся, мы уже успеем налопаться — и дёру. Каково! Умён ты, Хома. Нет, это не мыслишка у тебя появилась, а Мысль. Ты, Хома, не обижайся, — Мыслитель.

— Думаешь? — невольно приосанился Хома. Для пущей убедительности даже палец ко лбу приложил. К своему, понятно.

— А чего мне думать! За меня ты думаешь, — почтительно сказал Суслик. — Где уж мне такое надумать, чтобы вместе с петухами вставать! Мы теперь всегда с ними вставать будем, и каждый день будем счастливы!

— Тогда — вперёд, — сказал Хома, — пока не стемнело.

— Знаешь, я лучше сзади пойду.

— Почему? — сразу забеспокоился Хома.

— Честно?

— Честно!

— Переднему всегда больше достаётся, — честно сказал Суслик.

— Вот мне и достанется больше пшена, если я первым пойду, — попытался подзадорить его Хома.

— Ну-у, — протянул Суслик. — До утренней кормёжки ещё далеко. Ты первым иди. Ты меньше, незаметней.

— От кого — незаметней? — встревожился догадливый Хома

— Мало ли от кого... Вдруг там Сторож с Собакой курятник охраняют? — поёжился Суслик.

Заметим, однако, что говорить-то они говорили, спорить-то спорили, но и шли себе помаленьку. Причём Хома шагал впереди, чего Суслику только и надо было.

— От кого охраняют? — выпытывал Хома. — От нас? — хмыкнул он.

— Кому мы нужны! От Лисы, конечно. Она в курах души не чает.

— Значит, мы не только на Сторожа и Собаку, но и на Лису можем нарваться? — затоптался на месте Хома.

— Не бойся. Сторожу не до нас будет. Ну, а Лиса... Станет ли она сочную курицу на какого-то облезлого хомяка менять, да и Собака вряд ли нас на Лису променяет!

— А к облезлому Суслику как Лиса отнесётся? — засопел Хома.

— Тоже кое-как. Глянь на меня, сплошной оглоед — кожа да кости.

— Ну, если так... — двинулся опять вперёд Хома. — Одного не пойму, откуда ты столько про деревенскую жизнь знаешь?

— А кто тебя в амбар с горохом когда-то водил? Помнишь?.. Мне воробьи обо всём рассказывают, потому что я безобидный, — словоохотливо пояснил Суслик. — А

воробьи, они вечно в деревне вертятся. Они зимой в жаркие страны не улетают, вот и подлизываются к людям, чтобы и в холода им хоть что-то от них перепало. Ты меня понял?

— Понял. Не тарахти!

Так за разговором они незаметно и добрались до курятника на краю деревни. Из него доносилось разноголосое куриное: «Ко-ко... Ко-ко...»

— Яйца считают, — определил Суслик.

— Почему так считаешь?

— На курином языке яйцо — это «коко». Отсюда, наверно, и словечко «кокнуть» взялось.

— Тоже от воробьёв слышал? — усмехнулся Хома.

— Не от Хорька же!

— А он что, тоже на кур охотится?

— Большой охотник. От одного его вида куры вмиг летать научаются!

— Выходит, мало нам Сторожа, Собаки, Лисы, ещё и на Хорька наткнуться можем?

— Кто не рискует, тот рисует, — туманно ответил Суслик.

— Что рисует? — не понял Хома.

— Ну, не сам живёт, а рисует тех, кто вокруг живёт. — сбивчиво объяснил Суслик.

— Опять, небось, скажешь, от воробьёв слышал?

— От них, — доверчиво ответил Суслик. — Они про всё знают. И про художников, которые деревню рисуют. Те им, воробьям, всегда крошки бросают. Вкусные, — и облизнулся.

— Тсс, обжора... За мной! — скомандовал Хома.

Они украдкой обогнули курятник с задней стороны. И замерли.

Сторож здесь и правда был. И Собака тоже.

Прислонясь к дверному косяку, сидел и спал бородастый Дед. Со страшным двуствольным ружьём под мыш-

кой! А Собака почивала в конуре. И, видать, большая Собака, судя по конуре. Было слышно, как она дышит во сне. Очень уж мощно!

— Не дрожи, — прошипел Суслику Хома. — Не знаешь, что ли, что дрожь передаётся?

— Кому? — прошептал в ответ Суслик.

— Другому...

Суслик резко обернулся:

— Тут никого, кроме нас, нету.

— Нам и передаётся, дурень. От тебя ко мне.

— А от тебя?

— К тебе.

Так они стояли и передавали дрожь друг другу, пока совсем не стемнело. Куры за стеной наконец утомонились и притихли. А Сторож громко захрапел.

— Ночные сторожа всегда храпят, — не преминул заметить Суслик.

Друзья на цыпочках подошли ко входу в курятник и прошмыгнули в щель под дверью.

Внутри сарая было слышно, как куры, сонно квохча, поудобней устраиваются на насестах.

— А петухи-то здесь есть? — беспокойно прошептал Хома.

— Да вон целых два!

В оконце падал тревожный свет от одинокой луны. Он выхватывал на дощатой стене две тени от птичьих голов с гребнями. Как с коронами. Куриные короли!

— А разве петухи между собой уживаются? — тихонько спросил Хома знатока сельской жизни Суслика.

— Раз вместе сидят, значит, могут. Наверно, порода особая. Очень заграничная.

Друзья забрались на кучу сена в углу, затаились и вскоре слегка задремали.

«Здорово всё получилось, — сонливо размышлял Хома. — Утром встанем вместе с петухами и...»

И заснул. Но спал он чутко. Боялся позже петухов встать.

Неожиданно он встрепнулся. В дальнем углу слышался странный шорох, будто земля осыпалась, а затем там зажглись два хищных глаза. Словно угольки.

— Кто это там?.. — тихонько толкнул Хома друга в бок.

— Хорёк, — привычно задрожал проснувшийся Суслик.

— Как он сюда пролез? — прошептал Хома. — Он же не маленький!

— Наверно, лаз прокопал, проныра.

Затем из другого дальнего угла донёсся такой же шо-

рох. Под петушиными тенями по стене проплыла длинная хвостатая тень Лисы.

Ещё сильнее задрожал Суслик, передавая свою неимоверную дрожь соседу Хоме. Известному храбрецу.

— Если ты так дрожать будешь, — предупредил его шепотком Хома, — сарай обвалится. Они же, сам знаешь, не за нами явились.

— Всё равно с-страшно. Чую, сейчас такое будет!..

Между тем петухи привычно заголосили, предвещая рассвет. Суслик с Хомой тут же вскочили. Теперь только на удачу и рассчитывай.

И вдруг надрывно, с истошными воплями, закудахтали куры! По стенам сарая заматались хищные тени Хорька и Лисы! Замельтешили растрёпанные тени петухов! Полетели пух и перья!

Ну и кутерьма!

С треском распахнулась дверь, прибив о стену парочку суматошных кур. Ворвались бородатый Сторож с ружьём и яростная Собака. Громоподобно грянул огненный выстрел: б-бах! Другой: б-бах! И ещё двух кур как не бывало.

Всё закружилось, завертелось в бешеном хороводе — Лиса, Хорёк, Сторож, Собака, петухи, куры и Хома с Сусликом. Так и сыпались отовсюду на них оплеухи крыльями!

Все орали, визжали, рычали, лаяли, тявкали, сопели, кашляли, кудахтали и кукарекали!..

Не помнят Хома и Суслик, как внезапно оказались далеко от деревни.

Помнят лишь, что, спасаясь бегством, невольно вцепились в длинный Лисий хвост, продрались вместе с ним через узкий лаз — и ищи ветра в поле!

Где и как отцепились они от спасительного хвоста — неизвестно. Только больно ныли бока, отшибленные по пути.

— Да-а, помотало нас, горемык, — охал Суслик.

— По-моему, Лиса нами дорогу заметала, — простонал Хома.

— Вот что значит с петухами вставать! А ещё говорят, к удаче, к счастью!

— Верно говорят, — неожиданно обрадовался Хома. — Разве это не наше счастье? Так удачно выпутались из такой передряги! От Сторожа, от Собаки, от Хорька, от свирепых петухов и, наконец, от Лисы спаслись! Да если бы мы с петухами не встали, не видать бы нам удачи!

— Точно. Всё сходится, — поразился Суслик.

И они, прихрамывая, двинулись домой.

— А как мы Лисе на хвост сели! — вдруг захихикал Суслик.

Всё-таки в пословицах — большой смысл. Недаром они передаются от одного к другому. И не как дрожь, а как общая мудрость.

А вот что с Хорьком случилось, никто не знает. Та пословица к нему не подходит. Ведь он задолго до петухов встал. А может, и вовсе не ложился. Дело тёмное. Страшное.

Кур воровать — это тебе не с петухами вставать!

Как Суслик Хому изумил

Прибежал утром Хома к Суслику. Весь взъерошенный, взволнованный.

— На тебе лица нет! — ужаснулся Суслик.

Хома на всякий случай свою рожицу ощупал. Слава Богу, на месте!

— Всё шутки шутишь? — кисло улыбнулся он. — Скажи, а ты умеешь сны разгадывать?

— Какие ещё сны?

— Дурные.

— Дурные не могу, — с достоинством сказал Суслик. — Я могу — только умные.

— Да умный у меня сон был, но только дурной! — распалился Хома.

— Умный и дурной? — оторопел Суслик.

— Вот ты, уж точно, дурной, — заметил Хома. — Ну, просто кошмарный сон приснился!

— Так бы и сказал, — проворчал Суслик. — Нет, не умею я сны отгадывать. Загадки — умею. Те, которые уже знаю. А сны — нет.

— Жаль, — вздохнул Хома.

Видно было, что тот дурной, кошмарный сон не даёт ему покоя.

— А ты расскажи, — предложил Суслик. — Авось, и разгадаю. Я ведь никогда сны не отгадывал. Даже не пробовал.

— Ладно. Только сон у меня не простой, а путанный.

— Чтобы у тебя сон да простым был!.. — И Суслик важно покачал головой. — Да-а, сложно твой непростой сон разгадывать. Мало того, что дурной, кошмарный, непростой, так ещё и путанный.

Уселся он поудобней и снова стал головой покачивать.

— Ты чего из себя болвана строишь? — нахмурился Хома.

— Я не строю, — важно сказал лучший друг. — Я твой сон разгадываю.

— Да я ж тебе его не успел рассказать!

— Разве? А я уж подумал было, что для разгадки всего достаточно. Ты много чего успел наговорить.

— Чего я наговорил?

— Тебе сон приснился?

— Приснился, — терпеливо кивнул Хома.

— Дурной?

— Дурной. И что?

— Кошмарный?

— Кошмарный! — взревел Хома.

— Ты успокойся, успокойся. Сам вижу, что кошмарный.

— Ох!

— Непростой сон?

— Непростой...

— Путаный?

— Путаный, путаный. Ну, ты меня совсем запутал!

И Хома в сердцах к себе убежал. То ли сон распутывать. То ли его дальше смотреть.

Встретились они вновь только вечером. Опять у Суслика.

Тот по-прежнему сиднем сидел и задумчиво головой покачивал.

— Ну что, разгадал? — усмехнулся Хома.

— Сейчас, сейчас! Тяжело думать. Так.. Ещё немного... Всё! Разгадал. Трудный твой сон оказался.

Хома даже развеселился. Сел рядом и хлопнул себя ладошкой по коленке.

— Ну, и к чему мой сон?

— К дождю, — ответил Суслик.

И прислушался. Хома тоже наострил уши. За входом слышался шум дождя.

— Не к простому дождю, а к проливному твой сон. Итак, одно условие выполнено, — загнул палец Суслик.

— Какое?

— Непростой же сон был. Вот и дождь идет не простой, а проливной. Дальше — кошмарный сон был?

— Кошмарный.

— И дождь — кошмарный. Того и гляди, норы зальёт. Тогда тот ещё кошмар будет! — Суслик загнул второй палец. — Путаный сон был? Путаный. Слышишь, ветер гудит? Значит, струи дождя не ровно падают, а ветром их путает, — загнул он третий палец. — Вот тебе и вся разгадка.

— А то, что сон дурной был, — встрепенулся Хома, — об этом забыл?

— Это я напоследок приберёг! — Суслик уже загодя загнул четвёртый палец. — Кому сон снился? Тебе. Значит, и сон — дурной.

— Выходит, что ты, не зная мой сон, его разгадал?! — обидно рассмеялся Хома. — А то, что я тоже дурной, я тебе припомню!

— Ты лучше свой сон припомни. Ну, что с тобой было?

— Опять я на огромной Сове летал, — тяжело вздохнул Хома. — Только не ночью, а днём. А Сова ведь — ночная птица.

— Других птиц видел? — допытывался Суслик.

— Ну, ласточек...

— Ты не нукай. Взял себе глупую привычку!.. Ласточки летали высоко или низко? — настойчиво спросил Суслик.

— Это я высоко летал, под самой тучей! А они — куда как ниже!

— Всё?

— Почти всё. Я же тебе говорю — путанный сон. То одно, то другое. Цветы вот снились, как они свои головки закрывают.

— Ага! — торжествующе воскликнул Суслик.

И на этот раз стал разгибать загнутые ранее пальцы:

— Ласточки низко летают — к дождю. Про тучу ты упоминал — тоже к дождю. Цветы свои головки закрывают — непременно к дождю! Чего ж ты ещё хочешь?

— Я уже больше ничего не хочу, — голова у Хомя пошла кругом.

Как трудно признать, что твой лучший друг хоть иногда, хоть изредка бывает умнее тебя!

Кто же знал, что Суслик с полуслова сны разгадывает?..

КАК ХОМА БЛАГОРОДНЫМ СТАЛ

Решил как-то Хома одну только правду говорить. Всем, всегда и во всём.

Ну, прямо-таки накатило на него такое неодолимое желание. Ни с того ни с сего стыдно вдруг стало, что он за свою жизнь понаврал с три короба.

Это по меньшей мере. А по большей — вообще не считать!

Пошёл он прогуляться. Встретил Зайца-толстуна и улыбнулся. Добродушно. Правдиво.

— Всё толстеешь?

— Ты же меня вчера хвалил, что я здорово похудел, — растерялся Заяц.

— Врал, — честно признался Хома. — Врал я тебе, косому и глупому.

— А позавчера ты говорил, что у меня глазки вовсе и не косые, а кругленькие и умненькие, — огорчился Заяц.

— И позавчера врал, — напыжился правдивый Хома. Заплакал Заяц. И ускакал вперевалочку прочь.

А Хома дальше пошёл, удивляясь странному Зайцу, который до слёз правды не любит.

Тут навстречу старина Ёж семенит.

— Здравствуй, старая колючка! — приветливо помахал ему Хома. — У тебя, как я погляжу, ножки слишком короткие. Ты уж лучше не шагай, а шариком катись!

Ёж озадаченно уставился на него:

— Ты же всегда говорил, что у меня замечательные ноги!

— Врал я, — сказал Хома. — Всегда врал.

От изумления Ёж так и сел бы на хвост, да хвоста у него нет. Почесал бы от недоумения лапкой затылок, да уколоть её побоялся. Остался он на тропинке с разину-тым ртом.

Заявился Хома к лучшему другу Суслику:

— Привет, дылда!

И вольготно развалился на хозяйской охапочке сена. Мягкой, из пахучего клевера.

— Ну? — требовательно сказал он.

— Чего — ну? — оторопел Суслик.

— Угощай гостя, жадина!

— А кто недавно говорил, что я добрый, что я хлебо-сольный? — обиделся «жадина». — То и дело хвалил!

— Врал я, — небрежно ответил Хома. — То и дело врал. Тоже мне хлебосольный добряк! Я ж тогда просто подлизаться хотел — вдруг что-нибудь вкусненькое дашь на добавку.

— Ах, вот ты какой!

— Да не меньше тебя жадный. А ещё злой и глупый. Завистливый и вздорный. И даже не маленький, а короткий, — перечислил Хома свои недостатки. — Ну, и так далее.

И пытливо на хозяина смотрит.

— Ну, это ты слишком, — вконец ошалел Суслик. — Конечно, в твоих словах есть и правда. Есть она. Но не такой же ты плохой!

— Ты ещё не знаешь, какой я плохой, — и Хома широко развёл лапами. — Во какой! Если б ты знал, каков я на самом деле, ты бы со мной и здороваться перестал.

Ужаснулся Суслик:

— Так далеко у тебя зашло?..

— Ох, как далеко! Я настолько плохой, что мне от этого даже самому плохо, — резал правду в глаза Хома. — Хуже не бывает. Поверь. Уж я-то себя как облупленного знаю.

— И что на тебя накатило? — беспокойно приложил Суслик ему ладошку ко лбу.

— А-а, заметил. Накатило на меня, набежало, нашло, наехало! Надоело врать, понимаешь? Надо хоть перед самим собой честным быть!

— Перед самим собой — это ладно, — немедленно одобрил Суслик. — Но перед другими-то зачем?

Подумал Хома. Поразмышлял.

Чувствует, что лучший друг в чём-то прав. Но не во всём, пожалуй.

— Значит, о себе говори, что хочешь? — усмехнулся он. — А про других, значит, врать надо?

— Зачем уж так впрямую?

— Я по-иному не могу. Я хомяк прямой и говорю всё, что есть, напрямую. Кривые дорожки теперь не по мне! Не видно, что ли, по мне?

Помолчал Суслик и сказал:

— Видно.

— Вот видишь! — засиял Хома, довольный.

— Видеть-то я всё вижу, да не всё одобряю.

— Но ты так и не ответил, надо ли врать о других? Тебе о тебе хотя бы.

— Врать не врать, но ведь и... — помялся Суслик, — и приукрасить меня слегка можно. А?

— Тебя как ни приукрашивай, всё равно ты страшный. Шея длинная, глаза навывкате, пятнистый, как лягушка. Глаза б мои на тебя не смотрели!

— Не ври! — прикрикнул Суслик. — И на меня наго-

вариваешь, и на себя! Сам страшила, — внезапно сказал он, — на себя посмотри!

— Мне на себя смотреть — противно, — упрямо ответил Хома. — Посмотрел я на себя в лужу по пути, аж отшатнулся. Урод из уродов! Даже лужу от меня передёрнуло. Так и зарябило!

— Надо бы тебя к доктору Дятлу сводить, — встревожился Суслик.

— Веди. Я и ему правду в глаза врежу!

Пошли они в рощу Дятла искать.

Нашли наконец.

Дятел, как всегда, очередное дерево от жучков-точильщиков лечил.

— Здорово, носатый! — крикнул Хома.

— Привет, сутулый! — откликнулся Дятел.

— Я-то?

— Ты-то!

— А знаешь, почему у дятлов сотрясения мозга не бывает?

— А не знаешь, почему у хомяков ума нет? — не остался в долгу Дятел.

— Почему? — невольно спросил Хома.

— По той же причине! — свысока ответил Дятел. С берёзы.

— По какой? — тут же пристал к Хоме любопытный Суслик.

— По какой — по такой! — обиженно ответил Хома. — Мозгов нет! Или мало!

— Особенно у хомяков, — подчеркнул Дятел.

— Грубиян ты, а не доктор, — в сердцах сказал Хома.

— От грубияна и слышу.

— Уши прочисти, долгонос!

— А ты рот вымой, кривляка!

— Я ещё не завтракал. Отчего рот мыть? — изумился Хома.

— От грубости, — метко заметил Дятел.

— Теперь понял, Хома, чем ты заболел? — восхитился Суслик точностью доктора Дятла. — Грубый ты, а не правдивый. Слышал медицинское заключение?

— А может, я правдивый грубиян! — гордо скрестил лапы на груди Хома.

— Таких не бывает, — покачал головой на берёзе Дятел. — А вот грубияны, которые своё нахальство за правду выдают, — такие встречаются.

— Значит, я ещё и нахал? — съязвил Хома.

— А то кто же!

— Так ведь я и о себе, что хочешь, говорю!

— Да ты это нарочно говоришь, а сам желаешь, чтоб тебе возразили.

Ухмыльнулся Хома:

— Ну, а чего ж тогда ты мне не возражаешь? Я плохой, злой, грубый! Ну-ка, возрази попробуй на мою чистую правду.

— Запросто. Ты — небольшой и симпатичный. Слегка ленивый, в меру умный. Скорее, смелый, чем трусливый. Не очень жадный. И сердце у тебя доброе.

— И лёгкие у меня тоже хорошие. Можешь не простуживать, — смущённо пробурчал Хома. Вдруг стало стыдно ему. Нахалу и грубияну.

Но и легко стало. Когда знаешь, чем заболел, сразу легче становится.

— А ты... А Вы, — поправился Хома, — очень умный, знающий и красивый. Такой разноцветный: чёрный, белый, красный. Особенно красное охвостье Вам к лицу!

Теперь и доктор Дятел засмущался от похвалы и даже скрылся в дупле.

А Суслик с Хомой не спеша отправились домой.

Встретились опять по пути и Заяц-толстун, и старина Ёж.

Всем им вслух воздал должное Хома: Зайцу — за солидность, а Ежу — за воинственный вид.

А те настолько растерялись, что ничего не сказали.

— Почему же они промолчали? — озабоченно спросил потом Хома лучшего друга. — Ничего не ответили... — расстраивался он.

— И без того видно, какой ты благородный.

— Ты тоже хорош, — отвёл глаза Хома, вспомнив прежнее. — Пятнистый, как благородный олень.

— Опять врёшь?

— Да не вру я, не вру! Я взаправду сейчас сказал! — стукнул себя кулачком в грудь Хома. — Ну, надо же, никто правду от вранья отличить не может!

С тех пор стал Хома умней. И грубить стал меньше. Кому нужна такая слава — нахала и грубияна! И без того жизнь трудная. Везде опасность подстерегает: и в воздухе, и на земле. То Коршун, то Лиса. А то и Волк!

Только под землёй и можно спокойно жить. Но и там, глядишь, какая-нибудь грубая, ядовитая змея к тебе в нору заползёт!..

КАК ХОМА ЛЕНИВЫМ БЫЛ

Вышли на рассвете Хома и лучший друг Суслик из своих нор.

Встали столбиком и озираются, нет ли какой опасности, прежде чем к ручью пробежаться. Попить и даже умыться надо?..

Суслик упитанный такой стоит. Шёрстка лоснится. Отъелся в последнее время.

— Уж больно ты здоров! — восхитился Хома цветущим видом друга.

— Не-а, я здорово болен! — сразу же возразил Суслик.

Он справедливо побаивался, что неспроста его Хома хвалит. Наверняка задумал какое-то хлопотное дело, отдуваться за которое придётся тому, кто здоровее.

А Хома знай твердит:

— Ты просто ненормально здоров!

— Я сильно ослабел, — протестовал Суслик.

— Да нет!

— Нет — да! — упорствовал Суслик.

Он всё более опасался, что тут дело не чисто.

И точно. Так оно и вышло.

— Не скромничай, — снисходительно почесал его за ушком Хома. — Давай к нам канавку от ручья прокопаем.

— Зачем? — поразился Суслик. — Чтобы нас затопило?

— Чтобы пить мы могли в безопасности. Не в норы же к себе канавку выкопаем! Пусть она рядом будет. Захотел, высунулся и попил. Каждый день к ручью ходим, рискуем. Вдруг Лиса набежит, вдруг Коршун налетит!

— Чудила ты, Хома! — удивился Суслик, а сам задумался.

мался. Ведь и правда неплохая мысль. Даже обидно, что Хома первый надумал.

— Ну как? Согласен?

— Я-то согласен. Да вот согласятся ли твои Лиса и Коршун нас не трогать, пока твою канавку рыть будем?!

Но Хома настаивал. Он любил порассуждать:

— Это смотря как мы рыть будем, быстро или медленно. Если быстро, то они и напасть не успеют. Если медленно, то сцапают — и привет! Давай всё обдумаем, рассчитаем, промеряем.

Обдумали. Промерили. Рассчитали. Заодно и попили из ручья. Умываться, правда, не стали. В другой раз можно дважды умыться.

До ручья оказалось, конечно, много шагов. Но, как ни считай, Сусликовых шагов почему-то было вдвое меньше Хоминых.

— Ишь, какой хитрый! — расшумелся Хома. — Умный какой! Значит, мне вдвое больше копать придётся?

Озадачился Суслик. Действительно...

Внезапно просиял Суслик:

— Ты не понял. У меня рост больше, оттого и лапы длинней. Поэтому твоих два шага за один мой идут.

— Вечно ты меня принижаешь и уменьшаешь, — разбурчался Хома. — Нашёл, чем гордиться.

— Я же не виноват, что таким вымахал! — гордо оправдывался Суслик.

— Выходит, я виноват, что таким дылдой не стал.

— Так будем копать или нет? — закричал Суслик.

— Завтра начнём.

И Хома ушёл в свою нору.

Всю ночь он не спал. Думал. А утром внушительно сказал Суслику:

— Я тут прикинул в уме: раз у тебя лапы вдвое длин-

ней, то тебе надо копать вдвое больше меня. Я один копок сделаю, ты — два копка. Справедливо?

— Чего? — разволновался Суслик. — Совсем наоборот! Раз твои лапы вдвое меньше, то ты должен вдвое больше копать. На один мой копок — два твоих копка!

— Я — два, а ты — один?!

— Ленивый ты, Хома.

— Ленивый? Сам хвастался, что вдвое выше меня, а как до дела дошло, так меня, маленького такого, загружать, да?

Как ни спорили они, как ни рядили, не могли о главном договориться: кому больше другого копать.

И правда — кому?..

Так и не вырыли они канавку.

А впрочем, всё равно ничего бы не вышло. Ни за что не дали бы им копать те же Лиса и Коршун. Ни днём ни ночью.

Тем более, по ночам ещё и Сова с Филином, как известно, не спят — бессонница. Да и Волк рыщет не хуже Лисы. А может, лучше и больше. У него тоже лапы длинней.

И вообще, как считал Хома, с Сусликом на пару копать — неблагодарный труд. Скорее всего, он бы канавку только до своей норы довёл. Она к ручью чуточку ближе. Стал бы он тебе дальше рыть! Сказал бы: «Моя нора с краю». И хоть трава не расти!

С ним даже отдыхать трудно, а не то что работать. Он такой.

КАК ХОМА ГОЛОВУ НЕ ПОТЕРЯЛ

— **М**еня ничем не удивишь на этом свете, — сказал однажды Хома лучшему другу Суслику.

— А на том?.. — лениво спросил Суслик.

— На каком ещё — на том? На том берегу ручья, что ли? Там, конечно, светлей. Солнечней. Но меня и там ничем не удивишь.

Они, разомлев, на бережку ручья сидели. На этом.

Вверху, по синему небу, и внизу, по синей воде, проплывали кучерявые белые облака.

Зелёные и серые кузнечики, веселясь, так и прыскали над пахучей травой.

Жужжали важные, пузатые шмели, раскачиваясь на высоких ромашках.

Шустрые птицы замысловато носились над водой, хватая на лету глупых неловких мошек...

И всё это было так удивительно, что трудно было принимать слова Хома всерьёз.

— Нет, ничему не могу удивляться, — повторил Хома. — А ты про какой-то тот свет мямлишь!

— Я просто хотел сказать, — вновь замямлил Суслик, — что будет, если нас не будет? Понял?

— Нас не будет — ничего не будет, — решительно отнёс Хома. — И нечего об этом рассуждать. Я говорю, что меня вообще ничем изумить нельзя. Даже Шмелём величиной с воробья! Я давно ничему не поражаюсь. Плохая примета. Старею, верно.

— Спорим! — внезапно предложил Суслик.

— О чём? — сладко потянулся Хома.

— Я тебя удивлю.

— Ха-ха, тебе-то я давно удивляюсь, — отмахнулся Хома. — Да ты сам себе удивляться должен!

— Не твоё дело, — насупился Суслик.

— Ясно — не моё. Ты вот попробуй меня удиви. Тогда и спорь.

— И попробую, — увлёкся Суслик таким необычным занятием. — Но только, чур, условие. Если ты хоть раз удивишься, то ты проиграл.

— А что я выиграю? — заинтересовался Хома.

— Да не сумеешь ты выиграть. И не надейся. Головой ручаюсь!

— А что я проиграю? — выпытывал Хома.

— Хвастаться больше не будешь.

— Ладно. Раз ты сказал, что своей головой ручаешься...

— Я так сказал? — обеспокоился Суслик.

— Сказал-сказал, — заверил его Хома.

— А чего ты с ней делать будешь, если случайно выиграешь?

— Захочу, на память себе оставлю, — размечтался Хома. — На долгую светлую память.

— И откуда ты взялся на мою голову! — обиженно проворчал Суслик. — В таком случае давай на равных спорить. Голова против головы!

— Моя голова? — придирчиво уточнил Хома.

— Твоя.

— Против твоей?

— Моей.

— Не выйдет. Разве это на равных? Моя голова — умнее!

— А моя — больше!

— Это твоя-то?

— Моя, — подтвердил Суслик.

Измерили они травинкой свои головы. И впрямь, голова у Суслика больше оказалась.

Оба молча удивились. Даже Суслик.

Помрачнел Хома. Но старается и вида не подать, что удивлён.

— Главное не то, что снаружи, — веско сказал он, — а то, что внутри. Мысли бывают мелкие или большие. А большие — значит, тяжёлые. Моя голова наверняка тяжелее!

— Давай взвесим! — разгневался Суслик. — Взвесим давай головы!

— Давай. Только сначала твою, легкомысленную. Отдельно!

— Нет уж, — отказался Суслик, подозревая в этом что-то нехорошее для себя. — Лучше твою сначала.

— А можно сразу две взвесить, — вдруг сказал Хома.

— На чём?

— Не на чём, а как! Ну-ка, догадайся?

— Как? Проще простого. Надо друг другу голову на плечо положить и стоять, пока кто-то первым не свалится. Тот и проиграл. Правильно?

— Неправильно. Ты ростом выше! И вместе со своей глупой головой весь на меня навалишься. А лучше так попробуем — погрузимся в воду с головой. Чья быстрее выплывет, та и легче!

— Неплохо, — похвалил Суслик. — А я хотел ещё и другое предложить. Можно щелчки друг другу отвешивать и слушать, чья голова сильнее гудит. Чья звончее, та и пустее!

— Вот именно. А чем пустее, тем быстрее из воды и вынырнет, — бубнил своё Хома. — Мой способ гораздо лучше!

— Это почему же — гораздо? — не сдавался Суслик.

— Да потому, дурья твоя голова, что от моего способа не так больно. Щёлкать ему, видишь ли, захотелось. По своей головешке щёлкай, если ты такой умный!

— Так и быть. Можно и по-твоему, — поразмыслив, согласился лучший друг. — Заодно и искупаемся. Жарко.

Залезли они в воду, по шею каждый. Стоят, друг на дружку смотрят. Оба наготове.

— Командуй, — посоветовал Суслик. — Ты старше.

— Начали! — скомандовал Хома. — Оп!

И они разом под водой скрылись.

Нет никого...

Уфф! — вынырнули оба одновременно.

— Ничья, — пропыхтел Суслик.

— До трёх попыток, — хмуро сказал Хома.

Снова исчезли под водой.

Уфф! — опять одновременно возникли.

— Последняя попытка — решающая, — предупредил, тяжело отдуваясь, Хома.

Вновь скрылись. Только круги пошли...

Уфф! — вынырнул один только Хома.

Нет Суслика.

Подождал он, не веря глазам своим. А того нет и нет.

Испугался Хома. Тут уж не до спора. А вдруг Суслик потонул? Он из упрямства и не на то способен!

Пригляделся Хома. Что это?.. Он случайно увидел: на том месте — вернее, под тем местом, где погрузился Суслик, — пятки его колышутся.словно он на дне стойку на передних лапах сделал!

Нырнул туда Хома. И видит: Суслик под водой за камень уцепился и, выпучив глаза, изо всех сил держится.

Встретились они взглядом. И Суслик, нахал подводный, ещё и подмигнул Хоме: кто, мол, победитель?!

Чувствует Хома, что наверх неудержимо тянет. А Суслик вроде бы и не собирается выныривать. Будто рекорд устанавливает! Пришлось Хоме снова нырнуть и пощекотать его под мышками, чтобы поскорей от камня оторвать. А то бы он там, при своей мёртвой хватке, болтался до вечера задними лапами вверх!

Вынырнули оба. Еле отдышался Суслик. Ещё бы! Столько под водою побыть!

— Удивляюсь я тебе... — начал было сердито Хома.

— Ага! — вскричал Суслик. — Удивляешься? Я выиграл!

— Мы об этом не договаривались, — твёрдо сказал Хома. — Я тебя заранее предупредил, что всегда тебе удивляюсь. Я совсем другому удивился — как ты посмел жульничать! — горячо возмутился он.

— Ага! — вновь вскричал Суслик. — Удивился? Всё равно я выиграл!

На это Хома не сумел убедительно возразить. Хотя кое-как и пытался.

— По правде говоря, я больше выиграл, чем проиграл. Раз я могу удивляться, значит, ещё не старею, — успокаивал он сам себя.

— Но голову свою ты проиграл, — упорствовал Суслик.

— Скажи спасибо, что я тебя спас. До сих пор бы там был!

— Вряд ли. Воздух кончался. Если бы ты меня не щекотал, я вылез бы ещё быстрее. Ну что, собираешься голову отдавать?

— В конце концов мы о первом споре — удивлюсь я или нет — давно забыли. Мы уже о другом спорили: у кого голова тяжелее! — не на шутку разбушевался Хома. — И тут, бесспорно, я выиграл! Те, кто хитрит, всегда считаются проигравшими!

Теперь-то Суслик ничего не мог возразить. Было дело? Было. Не очень поспоришь.

И поэтому, как ни крути, пришлось ему бесспорно признать бóльшую тяжесть Хоминой головы.

Так что главное не в том, чья голова больше. Вон у Медведя башка покрупнее, чем у Лисы. Зато всем известно, что она башковитей, умнее его.

Наверняка голова у неё тяжелее!

КАК ХОМА МЕЧТАЛ

Сидел как-то Заяц-толстун на зелёном пригорке. Весь такой задумчивый. И чему-то сладко улыбался.

Подошёл к нему Хома и небрежно спросил:

— О чём мечтаешь?

Будто неизвестно, о чём зайцы мечтать могут.

— О большой морковке, — облизнулся Заяц-толстун.

— Красной и сочной? — тоже облизнулся Хома.

— Ага. Очень и очень, — рассеянно ответил Заяц, продолжая мечтать.

— Что — очень и очень? — удивился Хома.

— Очень красной и очень сочной, — снисходительно разъяснил Заяц.

— Да-а... Лучше зайцев никто о морковке мечтать не сможет, — признал задумчиво Хома.

Заяц только хмыкнул.

А Хома вдруг робко попросил:

— Слышь, а ты можешь мне свою мечту подарить?

— А мне что останется? — сразу забеспокоился Заяц-толстун.

— Ну... Ты ведь можешь мечтать о двух морковках сразу?

— Да хоть о трёх! — напыжился Заяц.

— Вот-вот, себе две морковки оставишь, а мне отдашь ту, первую, очень большую и очень сочную.

— Ишь ты! — оскорбился Заяц-толстун. — Мне меньше достанется.

— Но ты же лишь об одной морковке мечтал, — обиженно напомнил ему Хома.

— Мало ли что! Захочу, тысячу морковок себе намечтаю. И все — мои!

— Жадничаешь? — огорчился Хома и неожиданно предложил: — Давай тогда мечтами меняться!

— А какая у тебя мечта? Может, у тебя только и мечта — мою морковку присвоить!

— Говоришь, какая моя мечта? Моя мечта — секрет, — заважничал Хома.

Заяц внимательно на него посмотрел. Вид у Хома был и правда таинственный. К тому же, мечтательный. Но всё же...

— Не пойдёт, — отказался Заяц-толстун. — Ты мою мечту знаешь, а я твою — нет. Какая ж мне выгода с тобой мечтами меняться?

— А ты обменяйся, и узнаешь!

Заяц вновь пристально посмотрел на Хома. Но тот смущённо отвернулся.

— Чего глаза прячешь? — строго сказал Заяц.

— А вдруг ты по глазам узнаешь! Ишь какой!

— Какой?

— Проницательный, — польстил ему Хома.

— Это верно, — подобрел Заяц-толстун. — А мечта у тебя большая?

— Большая, — подтвердил Хома.

— Всё равно мы с тобой не на равных, ты мою мечту уже знаешь, — упрямо повторил Заяц. — А если я другую загадаю? Перемечтать мечту можно?

— Хитёр! А если ты мне назло маленькую морковку загадаешь?

— Ошибаешься, — покачал головой Заяц-толстун. — Тебе и не снилось, что я сейчас задумал!

— Учти, если у тебя маленькая мечта окажется, я меняться передумаю, — по-хорошему предупредил Хома.

— Согласен, — не сразу ответил Заяц. — Но и ты запомни, на мелкую мечту я размениваться тоже не стану. У меня теперь мечта — ого! — какая.

— Так и быть, говори про свою мечту.

— Откуда я знаю, что ты меня не обманешь? Я, значит, всё тебе выдам, а тебе вдруг не понравится, и ты мне что-нибудь похуже подсунешь. Лучше ты первым говори, о чём мечтаешь.

— О чём, о чём... — пробурчал Хома. — Не дурее тебя.

— Вон как ты заговорил! — обиделся Заяц. — Ну, было, было, прошлой весной я белую шубейку забыл вовремя сменить на серую и как дурак в зимней щеголял! Теперь сто лет на это намекать будешь?

— Да я не о том, — захихикал Хома и осёкся. — Сам виноват, не напоминай.

Заяц насупился.

— Ладно, — великодушно сказал Хома. — Давай Суслика позовём. Каждый свою большую мечту ему на ухо прошепчет, а затем и обменяемся. Суслик-то не переверёт, он посторонний.

— Решено, — обрадовался Заяц-толстун.

Так и сделали. Позвали Суслика, и каждый о своей большой мечте ему на ухо прошептал. Хома — в левое ухо, а Заяц — в правое, чтобы их мечты не перепутались.

А Суслик внезапно и говорит:

— Давайте ваши мечты на мою менять!

— Две наши на одну твою? — возмутились Хома и Заяц. — Выискался!

— Да, может, одна моя мечта ваших двух сто́ит! — разошёлся Суслик. — Я-то ваши мечты знаю, а вы мою — нет. Либо по-моему будет, либо никак. Иначе я не согласен вам угождать!

Хома и Заяц беспомощно переглянулись. Друг другу они не доверяют, без Суслика не обойтись. Называется, влипли!

— Ну, хорошо, — прищурился Хома. — Допустим, мы обменяем наши мечты на твою. А как мы потом твою мечту на нас, двоих, разделим?

— Как? — поддакнул Заяц-толстун.

— Не волнуйтесь, на вас, двоих, хватит, — отмахнулся Суслик.

— Ты уверен? Смотри, чтобы поровну! — предупредил Заяц-толстун.

— Ой, надует, — беспокоился Хома. — Я его знаю.

— Плохо ты меня знаешь. Вот увидите, не обделю! — уверял Суслик.

Уговорил-таки. Согласились Хома и Заяц меняться с ним, Сусликом. Две мечты на одну. А что тут делать?..

— Объявляю! — громко начал Суслик. — Ты, Заяц, сказал мне, что мечтаешь о целом мешке морковки. Так?

— Так, — беспокойно кивнул Заяц.

— А ты, Хома, — продолжил Суслик, — мечтаешь о полном мешке орехов. Так?

— Так, — тревожно кивнул Хома.

— Ну, а я мечтаю о целом мешке морковки и полном мешке орехов! — ликуя, заявил Суслик, потирая ладошки. — Всё, обмен закончен. Вам — моё, мне — ваше!

— И что же вышло? — наморщил лоб Заяц-толстун.

— Ты что, тугодум, не понимаешь? — вскричал Хома. — Это не обмен, а обман! Мы с тобой так на так остаёмся, при своём. Тебе — мешок морковки, мне — мешок орехов, а ему, Суслику, — гневно указал он на лучшего друга, — и мешок орехов, и мешок морковки!

— Вот это да! — ахнул Заяц. — Значит, нам по мешку, а ему — два? Среди бела дня ограбил...

Еле-еле Суслик от них удрал. И заодно прихватил их мечты — два мешка вкуснящих припасов. А им всего лишь по мешку и досталось. Ведь обмен-то состоялся. Уговор дороже денег!

Заперся Суслик в своей глубокой норе. И весело кричит оттуда, как в трубу:

— Что, съели? Прежде чем меняться, подумать надо хорошенько!

До чего же обидно стало Хоме и Зайцу: нашли, рото-зеи, кому довериться!.. И Суслик хорош. Разве можно так поступать?!

— И как ему не стыдно на друзьях наживаться? — расстраивался Заяц-толстун. — Глянь, я даже похудел!

— Погоди, а вообще-то никто не прогадал и не выгадал, — поразмыслив, изумлённо рассудил Хома. — Уди-

вительное дело... Каждый со своей мечтой остался, при своём мешке. И у Суслика опять два мешка, как и было.

— Выходит, никакого обмена и не было? — поразился Заяц.

— То-то и оно, — вздохнул Хома. — Вечно Суслик всё запутает. Ну его!

И больше они меняться не стали. Большие мечты или маленькие — зато свои.

КАК ХОМА СУСЛИКА НЕ ЗАМЕЧАЛ

Долго после того мечтательного обмена Суслик над ними потешался. Над Хомой и Зайцем.

— Хорошо ещё, что вы с Лисой меняться не вздумали, — хохотал он. — А то вдруг бы она мешок хомяков да мешок зайцев себе намечтала! И что вы бы делали?

— На волю бы их отпустили! — не выдержал Заяц-толстун.

— Не обращай внимания, — одёрнул его Хома. — Не замечай совсем.

И решили они Суслика не замечать. Совсем. И поблизости, и поодаль. А вдали и подавно.

И в жару, и в холод видеть его не хотели. Ни днём ни ночью не замечали. Ночью тем более. Темно!

До того наловчились, что сквозь него смотрели. Будто сквозь чистое стекло, хотя после дождя, например, Суслик нередко замарашкой был.

Кому такое отношение понравится? Даже упрямого Суслика проняло.

Поначалу-то он этим забавлялся. Встанет перед Хомой и Зайцем и давай им рожи корчить и лапами размахивать.

А они на него — ноль внимания. Словно его и нет. Словно он невидимка.

Иной раз он нарочно на их пути даже наземь ложился. А они спокойно переступали через него. Хорошо, что не наступали.

«И то — дело, — утешался он, — значит, всё-таки различают».

А потом забеспокоился: «А может, это случайно вышло? Может, мне повезло? Может, в другой раз не перешагнут и наступят? Заяц-то вон какой тяжёлый толстун!»

В конце концов надоело Суслику невидимкой быть. Самое неприятное: не с кем поговорить. Если тебя не видят, кто же с тобой разговаривать станет!

А Хома с Зайцем уже настолько увлеклись, настолько привыкли Суслика не замечать, что вскоре взаправду перестали его видеть. И когда натыкались невзначай на него, то лишь лапами разводили. Откуда, мол, какое-то препятствие здесь появилось, на ровном, пустом месте?

Совсем приуныл Суслик. Что же надо сделать, чтобы тебя заметили?

А то! Надо сделать жизнь другим невыносимой.

Не таким уж простаком Суслик был. Повадился он к ним домой ходить в их отсутствие: то к Зайцу, то к Хоме. Пристроится где-нибудь в чужой норе, в дальнем уголке, и ждёт, дремлет.

Только хозяин на порог,

как Суслик тут же начнёт громко зевать, протяжно охать и бездарно напевать своим тонким голосом. Негромко, правда. Вроде невидимки в гостях.

И порой ведь на всю ночь оставался!

Хотя и Хома, и Заяц действительно напрочь отвыкли его замечать и даже в упор его не видели, как тут такое не заметить! Всё время в твоей норе кто-то невидимый зевает, охает, скребётся и, хуже того, поёт слабым, замогильным голосом. И остановить нельзя. А ночь — до-о-лгая!..

Собрались они раз на совет, Хома и Заяц. В норе у Зайца. У него просторней. Он старую барсучью нору занимал.

— Знаешь, — по-секрету сказал ему Хома, — ты только не пугайся. У меня в норе завелось привидение!

— И у меня, — признался Заяц-толстун.

— Я это, я! — жалобно вскричал в углу одинокий Суслик. Он уже успел сюда раньше забраться и в тёмном уголке прикорнуть.

— Слышал? — вздрогнул Заяц. — Уже и уши по ночам травой затыкаю. Не поверишь, привидение даже петь умеет.

— Да не умеет! — возмутился Хома. — Если б умело петь, можно было бы потерпеть. Смотри, — и сам удивился, — стихи получились: петь, потер-петь! Я стихи сочиняю, значит, точно с ума схожу. Довело, негодное!

— Я это, я! — снова жалобно вскричал Суслик.

— Опять... — шевельнул ушами Заяц.

— Вот что, — решительно сказал Хома, — надо его выкурить.

— А как? — растерялся тугодум Заяц. — Я некурящий. И спичек нет. Да и зажигать их я всё равно не умею.

— Если зайца бить, — грубо отозвался из глубины норы несдержанный Суслик, — он и спички зажигать научится.

Теперь они оба вздрогнули, Хома и Заяц. Особенно Заяц. После таких-то слов!

— Подсказку слышал? — страшным шёпотом спросил Хома.

— Какую?

— Бить! — вскинулся Хома. — Бить надо!

— Кого бить? Меня? — всполошился Заяц.

— Привидение!

— А куда бить-то, если оно невидимое?

— Куда попадя! Авось, попадём!

— Окружай его! — обрадованно завопил Заяц.

Только Суслика и видели. Вернее, не видели. Опомниться не успели, как он их повалил, напролом вылетев из норы!..

С тех пор стало у них дома тихо, спокойно. У Хома и Зайца. А если кто и пел в своей норе по ночам, то сам по себе. Громко. Не скрываясь. На радостях!

А как-то они и с Сусликом помирились. Очень просто.

Принёс он, Суслик, с Дальнего поля три морковки. И виновато положил их у ног Зайца и Хома.

Тут-то они сразу его заметили.

— А третья морковка кому? — заметил Хома.

— Мне... — робко улыбнулся Суслик.

— Слушай, а где ты пропадал всё время? — удивлялся Заяц, хрустя морковкой.

— Давно не видели, — приглядывался к Суслику Хома, взяв свою долю. — Чего молчишь?

— Рот занят, — прошамкал Суслик, тоже хрустя морковкой. А сам так и сиял.

Оказалось, немного и нужно, чтобы тебя наконец заметили.

КАК ХОМА И СУСЛИК ЛИШНЕЕ УБИРАЛИ

Сидели однажды на травке Хома и Суслик. Возле своих нор. Любовались природой.

Какие отсюда виды открывались, какие горизонты — один лучше другого!

Хома медленно поворачивал голову то влево, то вправо.

Разве может что-то прекраснее быть? Луг, роща, ручей, небо!.. Что здесь, спрашивается, добавишь?

— Ничего нигде не прибавить, — так и сказал Хома, оглядываясь вокруг. — Я бы даже убавил — тех, кого пока не видно. Лису, Коршуна, Волка...

— Медведя оставь, — прервал его великодушный Суслик. — Он на нас не охотится.

Хома кивнул.

— Оставляем Медведя.

И вдруг пристально посмотрел на лучшего друга.

— Может, и меня... — оторопел Суслик.

— У тебя бы я рост убавил, — придирчиво окинул его Хома взглядом, — чтоб не хвастался, что почти вдвое выше меня.

— Не «почти», а совсем вдвое! — не выдержал Суслик.

— Будь моя воля... — опять покосившись на него, начал было Хома. И не стал продолжать.

Мечты тех, кто любит окружающую природу, могут завести далеко..

— А будь моя воля, — поспешно сказал Суслик, боясь, что Хома снова примется за него, — я бы ещё и комаров убрал. Такие навязчивые, кровососущие!

И звонко прихлопнул комара на Хоминой щеке.

— Ты себе много воли не давай, — невозмутимо заметил Хома. Чего это ему стоило!

— Надо же от них как-то избавляться!

— Ну, избавимся от них. А кого тогда птицы и рыбы клевать будут?

— Рыбы не птицы, они не клюют, а хватают, — возразил Суслик.

— А почему тогда рыболовы всё время жалуются, что не клюёт?

— Ну и что? Рыб я тоже убрал бы, — рубанул Суслик лапой воздух. — Лично нам они не нужны. Мы ими не питаемся.

— Не питаемся, потому что поймать не пытаемся. Не можем. Не клюёт, — повторил Хома.

— Пожалуй, — неохотно согласился Суслик.

— Оставим пока рыб. Хоть они нам и не попадают, зато от них красивые круги по воде идут.

— От дождя они тоже идут.

На что Хома, возмечтав, произнёс:

— А вот дожди я бы убрал. Дожди, особенно затяжные, мою шерсть мочат.

— И мою!

— Нет, дожди убирать нельзя, — внезапно сожалеюще отказался Хома. — А не то ничего расти не будет. Даже горох!

— Горох надо оставить, — сурово сказал Суслик.

— Ладно. Пускай дождь идёт, но только не часто. А затяжные дожди нужно убрать вовсе.

— Пусть дождь идёт только тогда, когда мы спим, — обстоятельно уточнил Суслик. — А когда не спим, пусть лишь грибной, солнечный дождик моросит.

И давай они вгорячах всё перебирать: от погоды до

ненастья, от зверей до птиц и насекомых, от деревьев до кустов и трав...

С Лисой и Волком — тут всё ясно. Хома и Суслик с ними сразу распрощались!

Пришлый Кабан также в этом мире лишним оказался. Он, дуралей, корни у дубов подкапывает. Долой его!

Затем, поглядев на плавающего в небе Коршуна, друзья стали птиц убавлять.

Начали, понятно, с того, кого первым увидели. С Коршуна. Затем убрали напрочь его меньшего приятеля Кобчика, потом — Ястреба, Филина и Сову. И ещё кого-то под горячую лапу. Всех местных пернатых хищников, дневных и ночных!

Следом и мирными птицами занялись. Аиста и Журавля убрали за слишком длинные голенастые ноги, Выпь и Луня болотного — за дурные голоса, уток — за жадность, галок — за дурь, сорок — за воровство, Кукушку — за пустозвонство...

— Кукушку давным-давно надо было убрать. Она мне однажды всего один год жизни прокуковала, а я уже два года после её пророчества живу, — пожаловался Суслик. — Врунья тёмная!

— Не будет теперь свои яйца в чужие гнёзда подкладывать! — ликовал Хома.

До того дошли, что вообще мало чего вокруг оставили. От всех разных кустов один орешник со спелыми орехами уцелел. А вот всех разных змей они в своих мечтах извели подчистую.

Если мысленно представить себе всю живописную картину местной природы, со всеми её обитателями, то на ней одни только дыры и дырки остались — и на земле, и под водой, и в воздухе.

Устали. Утомились. Умаялись.

Тяжкая эта работа — целый мир перекраивать. Тут и недель не обойдёшься.

— Ой! — неожиданно подскочил Хома. Его какой-то Жучок ущипнул.

— Ты чего? — напустился на него всемогущий Хома.

— А ты чего на меня сел? Я всё слышал, — угрожающе проскрипел Жучок. — Если уж и мы, жуки, начнём ненужное убирать, вас первыми выбросим!

И, с треском раскрыв свои крылышки, он сердито полетел прочь. За ним тут же погналась проворная Ласточка.

— Сейчас она его уберёт, — мстительно посмотрел Хома вслед.

Суслик неожиданно забеспокоился:

— Послушай, а что это всё мы да мы?!

— Ты что? — не понял Хома.

— А если все-все вокруг начнут кого-то навсегда убирать? Кто ж тогда останется?

Хома безмолвно зашевелил губами, подсчитывая потери.

Долго он так высчитывал.

— Спрашиваешь, кто останется? — наконец вымолвил он страшным шёпотом.

— Ну да.

— Никого тогда не останется!!!

— Э-э... — протянул Суслик. — Так дело не пойдёт. Пусть лучше всё-всё и все-все на свете будут.

— Пусть, — немедленно подтвердил Хома. — Лучше нам со всеми остаться, чем всем — без нас! А то и всем — без всех!

Суслик облегчённо вздохнул.

— Правильно. Жаль только, что тогда всякие гадюки уцелеют.

— Видишь ли, — осторожно сказал Хома, — раз

они есть, значит, и они нужны. Иначе бы их не было. А то бы и они вдруг взяли и решили, кого убирать и кого оставлять. Представляешь?.. Нельзя никому такую волю давать!

— А как же с человеком быть?

— Вот он-то со временем, пожалуй, всех уберёт! Будь моя воля... — И Хома снова осёкся. Вспомнил, что говорил насчёт воли.

Помолчали они. Повздыхали.

Внезапно Хома уставился вдаль. Там, над изгибом искристого ручья, замерла, склонясь над удочкой, фигурка рыболова в соломенной шляпе.

— И даже сидит-то крючком, — проследил Суслик за взглядом Хома. — Его бы я...

— Не надо, — оборвал его Хома. — Вот из людей я бы только рыболовов оставил. С удочками. Как лишнее украшение природы.

Суслик недолго сопротивлялся. Так и решили.

Ведь и правда рыболовы, в соломенных шляпах, с удочками, украшают извивы рек, излучины озёр и даже морские побережья.

Если мусор после себя убирают, конечно.

КАК ХОМА СТАРЫЙ ДУБ ПОДДЕРЖИВАЛ

Выглянул как-то Хома из норы. И замер.

Вроде бы никакой опасности нет, а насторожился. В чём же тут дело?..

Вот оно! Старый, могучий дуб, торчащий над рощей, вчера ещё совершенно прямой, сегодня заметно накренился в сторону. Наверно, под тяжестью своего почтенного возраста.

«Вдруг он упадёт, — тревожно подумал Хома, — и кого-нибудь придавит! И дерево жаль, и тех, кого оно придавит, тоже очень жаль!»

— Суслик! — позвал он.

Лучший друг Суслик мгновенно появился из соседней норы.

— Гляди! — показал ему Хома на рощу.

— Гляжу, — вытянул шею Суслик.

— Не видишь, что ли?

— Не вижу... — таращил глаза Суслик.

— А дуб видишь? — нетерпеливо сказал Хома.

— Вижу дуб. Дуб вижу. И что?

— Смотри, как его наклонило! Рухнет внезапно на кого-нибудь и...

— Но ведь не на нас, — перебил его Суслик. — Мы же далеко!

— А если близко будем? Если мимо него на Дальнее поле пойдём?

— Мимо — не будем, — ответил Суслик. — Мы его теперь стороной обходить будем.

— Понял. Значит, твоё дело сторона, а другие пропадай? — рассердился Хома.

— Ты меня неправильно понял, — замялся Суслик.

— Правильно я тебя понял, правильно, — насмешливо заметил Хома и скомандовал: — За мной!

Одним рывком выскочил он из норы и побежал к роще.

Суслик неохотно последовал за ним.

— Быстрее! — обернулся на бегу Хома. — И так время зря потеряли!

Пришлось Суслику прибавить ходу, а то бы он весь день до рощи добирался, надеясь, что и без них дуб вот-вот рухнет.

Прибежали они наконец к тому дубу.

И правда, даже здесь, у подножия старого, могучего дерева, было видно, как оно покосилось.

— Наверно, корни у старикана ослабли! — Хома поспешно упёрся спиной в необъятный ствол. — Ищи podporку! Я один его долго не удержу!

Суслик кинулся в орешник.

Хома стоял, удерживая дуб изо всех сил, слушал, как Суслик шуршит в кустах, и каждое мгновение казалось ему вечностью.

— Держишь? — слышался испуганный голос Суслика. — Держишься?

— Держу и держусь, — пыхтел Хома, упираясь ногами в землю.

Из орешника снова донеслись шуршанье и треск.

— Держишь? — опять раздался голос Суслика.

— Держу! — взвыл Хома.

— Держи-держись. А не то дуб ещё и на меня свалится! — отозвался Суслик.

— Чего копаешься?!

— Никак подходящую подпорку найти не могу!

— Иди поддержи, — взмолился Хома. — Я сам подпорку поищу. Дай передохнуть!

Вернулся Суслик и, тяжело охая, подставил свою спину под дерево.

А Хома, пошатываясь, побрёл в чащу.

— Нашёл? — тут же крикнул вдогонку Суслик замогильным голосом. — У меня уже вся спина одеревенела!

— Ты ещё скажи — задубела, — откликнулся Хома.

— Задубела от дуба! — нетерпеливо заныл Суслик. — Скоро ты там?

— Ищу-ищу. Потерпи!

— Больше не могу! — вскричал, обливаясь потом, лучший друг Суслик. — Сейчас брошу!

Хома торопливо вернулся с ореховой палкой-рогатинкой, всего на вершок длиннее его самого. Он крепко воткнул её в землю так, чтобы рогатинка надёжно подпирала дуб. И довольно стряхнул пыль с ладошек.

— Уфф! — отступил от дерева сгорбленный Суслик. — Ещё немного, и я бы совсем надорвался...

Тяжело дыша, они уселись на травку под дубом и придирчиво любовались на подпорку-рогатинку. Незъяснимая радость переполняла их сердца.

— Держит, — празднично сказал Хома.

— Держит, — оживлённо подтвердил Суслик.

— Что, попались голубчики! — неожиданно вынырнула из кустов вездесущая Лиса.

Никуда бы они от неё не делись, настолько выдохлись. Бери готовеньких!

Но Хома вдруг грозно сказал:

— Уберу вон ту подпорку, и дуб тебя мигом в лепёшку раздавит!

— Удрать не успеешь! — поспешно добавил Суслик.

Лиса с опаской посмотрела на мощное, нависшее над ней дерево.

— Шутите?.. — неуверенно сказала она и грозно оскалила пасть.

— Ах, так! Погибать, так вместе! — Хома решительно выдернул подпорку.

Дуб, казалось, сразу покачнулся.

С жалобным криком Лиса подскочила к дереву и упёрлась в него спиной.

— Так и будешь всю жизнь стоять, — пригрозил Хома.

— Охомел! — ахнула Лиса.

— Пошли домой? — сразу поднялся Суслик и с трудом выпрямился. — Чего сидишь? Пусть теперь у неё голова болит.

— Скорее подпорку ставьте! Так давит, что сил моих нету! — Лиса в отчаянии задрала голову вверх. — Смотрите, падает! Валится!

Сжалился Хома. Не над ней, конечно. Дерево пожалел. Не удержать его Лисе — это ясно. И вновь поставил, куда надо, подпорку-рогатинку.

Лиса, покачиваясь, медленно отошла от дуба. С опаской оглянулась. И дала такого стрекача, что лишь пламенем мелькнула в орешнике.

...До сих пор этот старый дуб, хотя и наклонно, но неколебимо высится на своём прежнем месте, опираясь

на ту ореховую палочку. Он простоит ещё целую вечность, будьте уверены!

Говорят, что Земля держится на трёх китах. В точности не известно. Возможно, она держится на таких вот хомяках и сусликах.

СОДЕРЖАНИЕ

В ступление-продолжение	3
К ак Хома богатым был	4
К ак Хома плавать учился	7
К ак Хома Ежа запугал	12
К ак Хома на Сове летал	18
К ак Хома и Суслик с петухами вставали ...	21
К ак Суслик Хому изумил	30
К ак Хома благородным стал	35
К ак Хома ленивым был	43
К ак Хома голову не потерял	47
К ак Хома мечтал	54
К ак Хома Суслика не замечал	60
К ак Хома и Суслик лишнее убирали	65
К ак Хома старый дуб поддерживал	71

Иванов А. А.

И 19 Новые приключения Хомя и Суслика/Худож. Е. Грубина. — Мн.: БелАДИ, МФЦП, 1996. — 80 с.: ил.

ISBN 985-6319-02-1.

В книгу известного писателя вошли новые сказки о приключениях уже ставшего знаменитым хомяка Хомя, его лучшего друга Суслика, их друзей — старины Ежа, Зайца-толстуна, доктора Дятла и их врагов — проворного Волка, коварной Лисы, Совы лупоглазой, Филина-полуночника и зоркого Коршуна. Эта книга, являясь продолжением таких сборников, как «Весь мир — моя нора», «Приключения Хомя и Суслика», «Как Хома звёзды спасал» и других, — тем не менее совершенно самостоятельное произведение, состоящее из отдельных, законченных сказочных историй.

Озорные, неистощимые на выдумку, по-настоящему смешные герои Альберта Иванова знакомы детям и взрослым и по ряду мультфильмов: «Приключения Хомя», «Страшная история», «Раз — горох, два — горох», «Клетка».

И 8820000000

ББК 84Р7

Литературно-художественное издание
Альберт Анатольевич Иванов
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХОМЫ И СУСЛИКА

Главный редактор *Е. Знак*
Художественный и технический редактор *Г. Емец*
Корректор *М. Ходыко*
Изготовление оригинал-макета *Л. Никулина*

Подписано в печать с оригинал-макета 14.05.96. Формат 84x108 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 30000 экз. Заказ 1413

Издательство БелАДИ. Лицензия ЛВ № 1165. 220026, Минск, ул. Грехова, 23.

Минская фабрика цветной печати Госкомитета Республики Беларусь по печати. Лицензия ЛВ № 235. 220115, Минск, ул. Корженевского, 20.

Отпечатано на Минской фабрике цветной печати Госкомитета Республики Беларусь по печати. 220115, Минск, ул. Корженевского, 20.

Дорогие ребята!

Эти сказки напечатаны впервые.

Вслед за этой книгой будут изданы еще две книги доброго сказочника Альберта Иванова, которые также нигде не публиковались: «Большое путешествие Хомы и Суслика» и «Великая тайна Хомы и Суслика». Вы снова встретитесь с любимыми героями и их друзьями и познакомитесь с их забавными приключениями. Не пропустите эти очень интересные и красивые книги!

До встречи с новыми замечательными сказками!

